

КИРПИЧ ИЗ ЛОНДОНА

ВЯЧЕСЛАВ МИРОНОВ

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ФСБ РОССИИ ВЫЧИСЛИЛА,
ВЫСЛЕДИЛА И ВЗЯЛА С ПОЛИЧНЫМ ШПИОНА-ПРЕДАТЕЛЯ

Контрразведчики ФСБ. Охотники на предателей Родины

Вячеслав Миронов
Кирпич из Лондона

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Миронов В. Н.

Кирпич из Лондона / В. Н. Миронов — «Эксмо»,
2020 — (Контрразведчики ФСБ. Охотники на предателей Родины)

ISBN 978-5-04-109382-2

Роман Кушаков – майор полиции, служит в органах МВД. Как-то отличился тем, что раскрыл безнадежный «глухарь». Ничего плохого за ним не замечали. Но и особых звезд с неба он не хватал. Но вот однажды в его сознании все перевернулось. И в одно мгновение он стал другим. Этого англичанина, приехавшего в город с выставкой, он заприметил сразу. И тотчас созрел план – безумный по своей дерзости. Роман написал письмо, адресованное английской разведке MI 6, и незаметно передал его англичанину... Оставалось ждать ответа. И походя освоить актерское ремесло. Ведь теперь сутки напролет ему придется играть роль верного и добропорядочного полицейского...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109382-2

© Миронов В. Н., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Кушаков	6
ЦРУ	25
Кушаков	27
Вербовка	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Вячеслав Миронов

Кирпич из Лондона

События подлинные, географические названия, фамилии и имена изменены.

Автор выражает признательность за помощь в работе над книгой:

ЦОС ФСБ России, УФСБ РФ по Красноярскому краю.

Кушаков

Лето. Душно. Марево висит над городом. Высокая, массивная, старинной работы, с вставками толстого стекла, входная дверь резко распахнулась, чуть не слетая с петель, и молодой мужчина чуть за тридцать лет вышел на улицу. Худощав. Черные, как вороново крыло, волосы зачесаны назад и растрепаны, видны начинающиеся залысины. Он был сильно возбужден, и под кожей даже гуляли желваки.

Мужчина остановился на крыльце, нервно плюнул под ноги, обернулся назад и, бросив беглый взгляд на табличку, висевшую на здании: «Федеральная служба безопасности России. Управление Федеральной службы безопасности России по такому-то региону», снова плюнул, но уже в сторону двери, откуда только что вышел.

Шагнул с крыльца. Направился было в сторону ГУ МВД, где проходил службу, но вдруг резко развернулся и двинулся в противоположную сторону.

Идя по одной из центральных улиц региональной столицы, он достал телефон и набрал номер:

– Леха! Здорово! Все тихо? Хорошо. Прикрой меня! Будут спрашивать – скажи, что был, но смотался на встречу с источником. Нет, проблем нет. Уже нет. Все нормально. Рассосалось. Нет, помощь не нужна. Завтра расскажу. Все! Пока!

Пройдя метров двести, мужчина остановился перед рестораном «Шкварок» и быстро спустился вниз, в подвальное помещение, которое занимал этот ресторан. В зале почти пусто, в полумраке было видно, что только один столик занят.

Он сел за ближайший, достал платок, вытер пот со лба, лица, шеи. К нему подошла официантка и подала меню. Мужчина резко отодвинул его и проговорил:

– Двести пятьдесят водки. Самой лучшей и самой холодной. И закуску. Под водку. И горячее. Мясо какое-нибудь. Только быстро! Очень быстро! Как будто вчера.

Пара мужчин лет пятидесяти за соседним столиком обернулись и с неодобрением посмотрели на молодого посетителя. Один из них усмехнулся и вполголоса обратился к своему визави:

– Никогда не хамите обслуживающему персоналу, а то принесут тебе чай с пенкой.

Второй мужчина, неспешно потягивавший пиво из литровой кружки импортного стекла, недоумевающе посмотрел на него, и тот, вытерев салфеткой губы, продолжил:

– Анекдот такой есть. Поезд. Вагон. Две проводницы. Одна матерая бабища, что обойти, что перепрыгнуть – одинаково. Вторая – сопля зеленая, у нее первая самостоятельная поездка. В купе сидят кавказцы. Шумные, горластые. Требуют принести им чай. Молодая несет на подносе четыре стакана. Все как положено. Чай в подстаканниках, сахар отдельно. Возвращается в слезах. Опытная спрашивает, мол, в чем дело? Молодая вещает, мол, кавказцы требуют чай с пенкой. Им, говорит, всегда такой подают, специальный.

Видавшая виды проводница сдвигает на затылок фирменную пилотку, чешет в задумчивости пятерней квадратный лоб, потом легко хлопает по нему:

– Елы-палы! Точно! Давай стаканы!

Юное дитя железнодорожного племени подает поднос со стаканами. Прожженная тетка плюет в четыре стакана чая для кавказцев:

– Хотят с пенкой? Будет им пенка! Неси!

Молодая несет чай, возвращается с деньгами за чай и щедрыми чаевыми, половину отдает наставнице.

Так что никогда не следует хамить обслуживающему персоналу, Геннадий Андреевич! – резюмировал рассказчик. – Когда-то давным-давно было у меня мимолетное увлечение юной девой, она же студентка, в дочки годилась по возрасту, но по мозгам и опыту «закулисья»

общественного питания многому у нее научился. Например, что ничего нет страшнее обиженной официантки. Если просто так, походя или похоти ради, обидел официантку, то готовься, что получишь отбивную, которая повалилась на полу. Чай, а также все твои кушанья будут «с пенкой», как в анекдоте. Ибо официантка оставляет половину чаевых себе, а вторую половину передает на кухню, и они распределяются между всеми кухонными поварами и рабочими, включая посудомойку и уборщицу.

Его товарищ, отхлебнув полкружки пива, воззрился в спину молодого мужчины:

– Полагаете, что «чай с пенкой» ему обеспечен?

– Это будет зависеть от его дальнейшего поведения и тех чаевых, на которые рассчитывает дружный коллектив сей точки общепита, дорогой мой Геннадий Андреевич! Но давайте вернемся к нашим баранам, вернее, к поставкам средства от глистов из Казахстана.

Тем временем их сосед по столу крутил головой, явно нервничал, было видно, что он просто взбешен. Мужчина вел какой-то внутренний диалог, иногда даже жестикулировал, что-то аргументированно доказывая своему невидимому собеседнику. На мгновение прекратил внутренние переживания и громко крикнул в сторону бара:

– Девушка! Водки принесите! Остальное – потом! И быстро! Очень быстро! Вчера! И самой холодной, чтобы зубы ломило!!

Мужчины за соседним столом переглянулись:

– Чую, что водку ему подадут «с пенкой»! – усмехнулся Геннадий Андреевич.

– Все будет зависеть от того, как он дальше будет себя вести. Все имеет причинно-следственную связь. Видимую и невидимую. Так мир устроен, – ответил его визави.

– Вы абсолютно правы! И все правильно просчитали, Олег Федорович! Не зря про вас говорят, что вы видите людей насквозь, подобно немецким лучам доброго доктора Рентгена, – улыбнулся Геннадий Андреевич.

– Все имеет причинно-следственную связь в этом мире, – повторил тот. – Так на чем мы остановились?

Мужчины снова начали обсуждать свои проблемы, а молодой человек с нетерпением воззрился в сторону бара, слегка постукивая кулаком о толстую столешницу, как будто задавая ритм передвижения официантки. Его не интересовали ни точеная фигурка, ни длинные ножки, ни длинные волосы, собранные в хвост, ничего... лишь запотевший, наполовину полный графинчик водки.

Девушка поставила на стол стопку и начала наливать тягучую от холода жидкость.

– Полную лей!

Официантка невозмутимо кивнула и наполнила стопку почти до краев, только пару миллиметров не хватило до того, чтобы водка не начала переливаться через край.

Мужчина, не дожидаясь, когда останется в одиночестве, жадно схватил стопку и одним махом опрокинул в рот.

– Повтори, полную! – громко стукнул он по столешнице.

Официантка равнодушно посмотрела на него и налила вновь полную стопку.

Мужчина опрокинул ее, но уже помедленнее. Некоторое время держал возле щеки, а потом бросил сквозь зубы:

– Иди. Дальше – я сам. Закуску тащи. И поскорее!

Мужчины вновь обернулись на него, Геннадий Андреевич укоризненно покачал головой, но ничего не сказал. Олег Федорович лишь поднял палец вверх:

– Весь мир опутан видимыми и невидимыми связями, друг мой! Ибо как аукнется, так оно и откликнется. Поверьте мне на слово.

Мужчина был поглощен собственными мыслями и не слышал никого. После четвертой стопки он яростно снял через голову шелковый, ручной работы, галстук, небрежно скомкал его и запихнул в боковой карман пиджака, затем снял и его, повесил на спинку стула, стоявшего

рядом за его столиком. Расстегнул манжеты на рубашке и отогнул их. Через ткань нагрудного кармана просвечивало красным служебное удостоверение.

Он пил, вяло закусывал, и чем больше в нем накапливалось количество алкоголя, тем сильнее он сам себя распалял, ведя незримый монолог. Размахивал кулаками, поправлял прическу, тер уши – так часто делают, когда не хотят слушать собеседника. Иногда у него явственно прорывалось:

– Ничего! Ничего! Я им покажу! Я им докажу! Они поймут еще и пожалеют!

Мужчины за столиком неподалеку продолжали беседу, свысока поглядывая на соседа. Принесли горячее. Тот, что постарше, Олег Федорович, обратился к молодой официантке, вогнав ее в краску:

– Спасибо, дитя юное, прелестное! Из рук ваших замечательных яд приму! – и церемониально наклонил голову.

– Яд вам я не принесу. Только горячее, – пылая густым румянцем, ответила она.

– Спасибо вам! – Олег Федорович накрыл своей громадной ладонью хрупкую кисть официантки, приподнял ее и нежно поцеловал.

Девушка еще сильнее зарделась, сделала шаг назад:

– Это вам спасибо. Редко встретишь галантного посетителя. Чаше не замечают, что я человек и девушка. – Голова ее нервно дернулась в сторону соседнего столика. – Если вам еще что-нибудь нужно – скажите. Все, что угодно, – и убежала.

Геннадий Андреевич с улыбкой воззрился на Олега Федоровича:

– Удивляюсь вашему таланту очаровывать людей, подчинять своей воле. Неужели вы воспользуетесь секундной девичьей слабостью?

– Ни в коем случае! Это заведение мне дорого. И я ему благодарен. Кстати, рекомендую, постелите на колени салфетку. Я прожил с женой больше тридцати лет. И вот последний месяц она меня обоснованно подозревала. Но все косвенно. А тут обедал и капнул белый соус на брюки. Не заметил. Дома скандал. Притащил ее за руку в это чудное место. Тут установлены видеокamеры. Попросил, за небольшое вознаграждение, показать моей дражайшей супруге, как я обедал, и она увидела, как я в гордом одиночестве капаю соус на брюки. Естественно, меня простила, ибо ошибалась, заодно я стер из ее памяти прежние косвенные признаки моих шалостей.

Молодой человек продолжал нервничать, пить в одиночестве.

Когда закончился прозрачный напиток в графинчике, он рассчитался банковской картой, на которой было написано Kushakov Roman. Оставил щедрые чаевые, перебросил пиджак через плечо и, слегка пошатываясь, поднялся по лестнице.

На улице остановился, вздохнул несколько раз глубоко, полной грудью, задерживая дыхание, и оглядел улицу. Пока сидел в подвале, накачивая себя водкой, день подошел к полудню. Взгляд упал на здание Управления ФСБ, откуда он вышел в ярости несколько часов назад.

– Козлы! – зло сплюнул сквозь зубы Кушаков и двинулся дальше, продолжая мысленно спорить с невидимым собеседником, не обращая внимания на то, как шарахаются от него встречные прохожие, не замечая никого и ничего.

Утро. Контрольно-пропускной пункт на входе Управления уголовного розыска ГУ МВД по региону на улице Р. Робеспьера, у которого с каменным лицом дежурил постовой.

«Вертушка» с металлическим лязгом пропускала сотрудников, спешащих по своим рабочим местам. Один из них поднес к считывающему устройству удостоверение, там штрихкод, компьютер считал, сравнил, записал время прибытия, на экране у постового высочила надпись: «Старший опер-уполномоченный отдела уголовного розыска Управления уголовного розыска майор милиции Кушаков Роман Анатольевич» и фото для идентификации, время входа.

Постовой полицейский уже много лет нес здесь службу, всех знал в здании, но порядок есть порядок. Автоматически скосил глаз на монитор компьютера, сверяя личность входящего, отдал честь начальству, оперов приветствовал кивком. Каждому честь отдавать – рука отвалится. Со многими здоровался за руку.

Компьютер зафиксировал время прибытия на службу майора милиции Кушакова, отщелкнул рычаг фиксатора, и, провернув «вертушку» на один оборот, майор поднялся в свой кабинет по обшарпанной лестнице. Здание эксплуатировалось круглые сутки, ремонта давно не было, поэтому ступени изнашивались быстро, стены тоже были не первой свежести.

Кушаков делил кабинет со старым майором милиции Романовым. Их часто путали из-за фамилии Романова и имени Роман у Кушакова. Часто их кабинет называли «Ром-Ромыч».

Майор милиции Романов был сорока пяти лет от роду. Высокий, поджарый, резкий, насмешливый, циничный. Густые волосы были коротко подстрижены, а седина в них немного старила его. Глубокие морщины на лбу распрямлялись только тогда, когда он сильно удивлялся. Внешне он был обаятельным, умел расположить к себе людей, любил рассуждать, пофилософствовать, но это лишь оболочка. На задержании был суров, а один из любимых его приемов при силовом захвате – схватить противника за горло раскрытой ладонью. Молниеносным, почти невидимым для глаза движением, словно бросок кобры, он стальным хватом вцеплялся в горло. Редко кто почти сразу не терял сознание.

В молодости Романов играл в регби, да и сейчас поддерживал связи в спортивных кругах, стараясь не пропускать ни одного матча команды, за которую когда-то играл.

А еще он старался помочь всем, кто к нему обращался за помощью. Никогда не брал за помощь деньги, спиртное, но требовал ответную услугу. Зачастую не для себя, а для другого нуждающегося. Со стороны казалось, что для него нет невозможного. За что бы он ни брался, всегда доводил дело до конца, казалось, что преград для него не существует. Как для носорога или для хукера в регбийной атаке. И еще Романов презирал тех, кто ему врал или пытался обмануть.

Волею случая Кушаков оказался в одном кабинете с Романовым, и тот оказывал ему всяческую помощь. Нередко подстраховывали друг друга на мероприятиях.

Майор Романов был уже на месте, обложился папками с оперативными делами, что-то писал.

Когда Кушаков вошел, Романов поднял глаза, окинул майора взглядом сверху вниз и проговорил:

– М-да, Ромчик. Вид у тебя... как бы помягче сказать... Не очень, одним словом. Как использованная жевательная резинка.

– Спасибо, что не как презерватив после употребления, – хмуро парировал Кушаков и плюхнулся на свой стул. Потом с трудом поднял глаза на Романова и, неопределенно махнув рукой, протянул: – А-а-а-а!

Достал из сумки небольшую бутылку минералки, запрокинув голову, не отрываясь, выпил и приложил пустую ко лбу.

– Эвон оно как?! – Романов от удивления присвистнул. – Ваше благородие, как посмотрю, нарезалось давеча. И отчего так, позвольте поинтересоваться? С горя али с радости? Или, пардон, решил в запой пойти? – Он поднял указательный палец и улыбнулся: – Вспомнил доисторический стишок! Как раз в тему:

С утра я вижу знакомые лица:
Моя милиция идет похмелиться.
Впереди идет ОУР —
Вечно пьян и вечно хмур.
А затем идут ГАИ —

Вечно пьют не на свои.
Вот идет мой участковый —
Грязный, пьяный, бестолковый.
А потом БХСС —
Деньги есть, и бабы есть!
А за ним идет ОВО —
Морда – во! И жопа – во!
Сзади следственный отдел —
В лапу взял – и нету дел!

Пьянка и блуд – очень изнурительные занятия. И ты вот так. Бестолково. Беспощадно... Безумно.

– Отстань, Леха! – скривился Кушаков, продолжая держать бутылку у лба. – Не видишь, башка раскалывается на части.

– Она у тебя еще больше будет раскалываться. У нас сегодня служебная подготовка... – Романов выдержал драматическую паузу и «добил» Кушакова: – Стрельбы.

– О-о-о-о! – застонал Роман. – Отказаться никак?

– Вряд ли. В нашем министерстве правят бал не опера и следики, а кадры. Плевать, что стрелять будем часиков этак до семнадцати, а потом и вообще поработать надо. Бумаг кучу написать, да и по живому поработать, с агентурой повстречаться, она же, как женщина, встреч требует. А потом Петровичу надо рассказать, как дела движутся, и чтобы в статистике появилась от тебя «галка» о раскрытии тяжкого преступления, желательно в составе группы по предварительному сговору, а еще лучше – организованной и даже преступной. О как! Но кадрам плевать. У них свои показатели. Стреляем, отчитываемся о попадании. Чистим оружие. Пишем конспекты. Сдаем зачеты!

Романов открыл свой сейф, достал толстую папку с документами и перекинул через проход на стол Кушакова:

– Подписывай по-быстрому. Секретарь вчера принесла на ознакомление. Скоро прибудет. Нас много, она одна.

– Есть что интересное? – Кушаков с сожалением оторвал бутылку от головы и с ненавистью посмотрел на толстую папку.

– Половина совсекретных циркуляров, есть одна шифротелеграмма о том, что кто-то по пьянке потерял пистолет в Удмуртии. Кого-то поймали на взятке, тоже в западной части нашей необъятной Родины. Короче, поднять, повысить, укрепить, поймать и доложить! Ну, и куча приказов, как московских, так и местных. Везде нас пугают, требуют доложить в сроки. Ерунда, короче. Что в милиции было, то и в полиции будет, чую, бумаг только больше да отчетов раз в сто. И контролеров куча, на «земле» скоро работать некому будет, на одного с сошкой – семеро с ложкой, – покачал головой Алексей и прикрикнул на Романа: – Чего сидишь, подписывай скорее! А то заберут папку. Ничего там интересного нет, я внимательно читал.

Кушаков вздохнул и, не читая, стал расписываться в листах ознакомления.

– Ты чего так наелся? – не унимался Романов.

– Отстань!

– И все-таки?

– В ФСБ не взяли. Отказали, – шипящим шепотом выдал из себя Роман.

– Теперь понятно, отчего ты вчера такой загадочный был, – откинувшись на спинку стула, в голос засмеялся Алексей. – Костюмчик в жару приодел, галстук самый лучший повязал удавкой. Мама тебе подарила, из Италии привезла, помню. Ты и костюмы носить не умеешь. Весь такой красивый, таинственный и неожиданный, как рояль в кустах. Ну, давай! Вещай!

– А нечего рассказывать, – глухо произнес Кушаков, продолжая нервно подписывать документы. – Пригласили. Официально оповестили, что рассмотрели мою кандидатуру, принято решение отказать. Вот и все. Десять минут, и пошел вон отсюда, щенок!

– Тю! И ты расстроился? Я тебе что говорил? Дядю Лешу слушать надо! Дядя Леша плохого не посоветует! Не мечтай! А ты как дурачок на конфетку повелся. На обертку красивую. Когда ты свою знаменитую группу «раскручивал», выскочил один эпизод по хищению в наших атомградах, и ты побежал к чекистам. Считаю, им «палку» подарил. У них под носом воровали, а они ушами по щекам себя хлопали. Или знали, но виду не показывали, чтобы источников не «засветить». А так по ментовским материалам реализовались. Муть, одним словом. А тут ментяра прибегает и на блюдецке с голубой каемочкой дарит дело. Группа. Попутно выявил, что во внешней охране периметра объекта наркоман – травокур. Понятно, что тебе этот факт ни ухом, ни рылом, а контрразведке тоже «подарочек». Наркоман на охране атомной промышленности. И что они тебе сказали? Напомнить?

– Не надо! – мотнул головой Кушаков. – Помню: нам, мол, такие сотрудники нужны! Подавай документы в контору!

– Те опера, с которыми ты дружбу водил, может, и были искренни, и даже бегали с ходатайствами. Но! В кадрах решают все! Точно так же, как и у нас. Не помню ни одного случая, чтобы мента взяли в чекисты. Разная порода. Две несмешивающиеся жидкости. А ты слюни распустил. Дела забросил. Размечтался, что скоро будешь контрразведчиком, шпионов и террористов ловить пачками. Напомни мне, сколько тебе известно о настоящих шпионах, которых поймали в нашем регионе? Я вот кроме физика, который китайцам сдал таблицы по термоиспытаниям чего-то там, не помню. Нет у нас тут шпионов. Ельцин со своей бригадой в девяностые все сдал оптом за пять копеек. Это когда в семье алкоголик, то он все из дома тащит и пропивает. Помню, в «двадцать шестом» работали, банду брали. Старались тихо. Сидим под адресом, ждем. А тут кортеж едет с мигалками. Автобусы, полные церэушников, а гаишники распугивают аборигенов, только что пулеметами не разгоняют водителей. Торопятся. Американцев на горно-химический комбинат повезли, в гору. Об этой горе вслух запрещалось говорить. А тут наши сами, с эскортом. Злодеи, которых мы «пасли» в адресе, думали, что к ним облава, давай палить со всех стволов в квартире. Мы их на выходе ждали, пришлось входить через заградительный огонь. Тогда не было спецназа, а ОМОН на полгода вперед расписан. Ни тебе бронежилета, ни еще чего. С пистолетиками наперевес в атаку на закрытую дверь. А там автомат и два пистолета боевых. Хорошо, что крышку люка канализационного выдернули. Как щит впереди себя. Держит пулю! Повязали злодеев, потом сутки водкой в сознание приводил себя на работе. А ты говоришь, шпионов ловить. Террористы у нас могут быть. А шпионы... Как в кино: «Все украдено до нас!» Не кисни! Ты хороший опер. Не мифическое государство защищаешь, которое на тебя болт с прибором поклато, а граждан от бандюганов. Реальных людей от реальных мерзавцев. Да еще получаешь от этого удовольствие. Ибо нет ничего интереснее и азартнее в жизни, чем охота на человека.

– Ой, скажешь тоже, охота на человека! – хмыкнул Кушаков, продолжая расписываться в бумагах.

– А ты смотри правде в глаза. Себя не обманывай. Мужик должен получать удовольствие от работы. Денег нам с тобой платят – слесарь больше получает. Обещают в следующем году повысить, сделать полицию. Были ментами, станем понтами. Так за каким лешим ты на службу ходишь и сутками тут торчишь на мероприятиях оперативно-разыскных? Вспоминай, когда ко мне отправляют кандидатов на службу или стажеров, какой первый вопрос я всем задаю?

– За каким хреном ты сюда приперся? Чего ты хочешь от службы?

– Верно. И если отвечает юноша молодой со взором горящим, что, мол, хочу сделать мир чище, то я советую ему пойти в дворники. Единственные люди, вкуче с уборщицами, кто действительно делает мир чище. Остальные лишь гадят. Вот и ты мне напомнил тех младен-

цев, рвущихся на оперативную работу. Пошел на амбразуру, мол, возьмите меня, дяденьки, со шпионами бороться! Мозги совсем высушил шпионскими фильмами? Лучше подумай, о чем будешь докладывать по делам. Ничего же не делал. Думал, что все! Я не мент, я – чекист! Хрен тебе! Трудись тут, а не там!

Кушаков с облегчением бросил ручку на стол, закрыл папку с документами, отодвинул от себя, откинулся в кресле, посмотрел в потолок и решительно проговорил:

– Я им докажу! Я им покажу!

– Что им покажешь? Фигу в окно? Или свой голый зад? – усмехнулся Романов. – Они тебя отшили, послали. Умойся, успокойся и иди дальше по жизни. Вот если бы ты в кадры попытался перевестись, я бы тебя понял и позавидовал. В восемнадцать ноль-ноль закрыл рот, запер сейф, рабочее место убрано, выдавил слюны на печать, затворил дверь в кабинет, и домой к жене под бок! Красота! А так – там опер, здесь опер. Смысл менять шило на мыло? Здесь ты опытный, уважаемый, всех и все знаешь. А там салабон зеленый. Все с нуля. У тебя толковая агентура среди бандитов имеется. Тебя знают, что не подливаешь, не крысятничаешь. Мент в законе, слово держишь. А там? Там и контингент иной. К ним с подходцем надо. В рыло не дашь запросто. Скучно. Тошно. Душе негде развернуться.

Кушаков, казалось, не слышал напарника. Невидящим взглядом глядя сквозь него, он процедил:

– Я им докажу! Они меня возьмут на службу!

– М-да, – качнул головой Алексей. – Эко же тебя алкогольным одеялом накрыло-то! Ничего! Сейчас постреляешь в тире и всю злость в мишень выпустишь. Пороховой дым выбьет из тебя эту дурь. Вечером пива выпей перед сном, и поутру все забудется как страшный сон. Контрразведка контр- разведкой, а милицейские показатели, будь добр, исполни.

Кушаков открыл сейф, такой же древний, как и стол, вытащил из него многочисленные дела оперативных разработок, оперативно-поисковые дела – это когда заводится дело по «темному» делу, личные и рабочие дела на агентуру.

Романов копошился в своих бумагах, смотрел, как Кушаков с видом страдальца тупо взирает на кучу папок скоросшивателей, что громоздились перед ним, почти скрыв его макушку.

– Рома! Чего скис?

– Я-то думал, что все... – вздохнул Кушаков. – Вот и дела все сшил, опись закрыл. Написал в каждой описи: «В настоящем деле прошито и пронумеровано столько страниц. Дело сдал старший оперуполномоченный, майор милиции Кушаков». Подпись поставил, правда, без даты. Даже написал: «Дело принял». И прочерк. А теперь в каждой описи придется писать, что дело принял я у самого себя.

– Ну, и пиши. Мало ли как случается, – пожал плечами Романов.

Кушаков в раздражении бросил ручку, отодвинул от себя папку с делом:

– Понимаешь, мне кажется, что у меня за спиной все шушукаются, скалят зубы, что вот не перешел на службу. А не в «стукачи», агенты ли ты подался, Рома, у чекистов? Не вижу, но чувствую.

Романов тоже отложил ручку и посмотрел на него тяжелым взглядом:

– Мой юный друг, давай я открою тебе тайну очевидных вещей. Послушай меня, дурака старого, может, чего умного и скажу. Пока ты занимаешься самоедством и упиваешься собственными переживаниями, жалея себя, ты не видишь мира. Первое. Ты слишком о себе хорошо думаешь. Ни ты, ни я, никто вокруг нас никому не нужен. Абсолютно. Каждый из нас копается в себе, в собственных проблемах. Это в кровавом Советском Союзе всем было до всех дело. Сейчас будешь валяться с пробитым финкой животом, и все будут только перешагивать через тебя. Их будет волновать вопрос, как бы не испачкаться в той крови, что вытекла из тебя. В лучшем случае «Скорую» вызовут и в ментовку анонимно брякнут. Второе. Чужое внимание стоит денег. Все эти социальные сети несут только одну задачу – выделиться из всех,

выделиться из толпы, пусть даже это будет глупость, сопряженная с потерей здоровья, частичным увечьем. Для чего? Чтобы привлечь к своей персоне внимание и общение, чтобы тебе плюсики поставили. Все озадачены только своими проблемами. В нашей конторе – чтобы месяц, квартал, полугодие закрыть с показателями, «галку-палку» в графе «раскрытие» поставить и получить за это денег для семьи не меньше, чем в предыдущем.

– Я ничего не успею, – уныло проговорил Кушаков.

– «Темных» у тебя много?

– Не очень.

– Возьми какую-нибудь, где есть за что зацепиться, чтобы лицо, «тело» какое-нибудь присутствовало, и крути ему уши. Вон криминалисты немного освободились, и полиграф можно использовать. У меня один знакомый имеется. Должок за ним висит. Берег для себя, вдруг пригодится, но... дарю тебе! Будешь ты мне должен, а с него долг спишу. Бери криминалиста с его адской машинкой, «тело» и «дави масло». По крайней мере, будет что сказать на заслушивании. А за раскрытие «висяков» остальное простят в этом месяце. И прокурорские такие вещи даже уважают. Поместят твой портрет на Доску почета, чтобы остальные ходили и плевали как в выскочку.

Кушаков внимательно посмотрел на коллегу и усмехнулся:

– Мужик ты вроде неплохой, но как скажешь гадость, прямо в душу!

– А это, мой юный друг, чтобы не расслаблялся. И запомни еще одну простую оперскую истину – не осуждай никогда и никого. Нарастаю «броню» на душе. Даже когда с душегубом общаешься. Убил он кого-то, значит, так он считал нужным в тот момент. А тебе должно индифферентно на это. Твое дело – раскрыть преступление. Они ведь нас кормят. Не будет «блатарей», не будет нас – ментов, прокуратуры, Следственный комитет разгонять придется, адвокаты без хлеба останутся. Да и судейских тоже умножать на ноль надо. Я уже молчу про бедолаг – «дубаков» из ГУФСИН. Все без работы останутся. А в стране кризис. Работы нет. Куда все пойдут? На баррикады? Вот и получается, что преступники – это часть государственной системы сдержек и противовесов. Вон скольких работой обеспечивают!

Романов вдруг стал грустно-серьезным и продолжил:

– Еду сегодня на машине на работу. Пробка на Кольце, стою, медленно двигаюсь, снова стою. Смотрю, на газоне какое-то движение. А там труп собаки лежит, машиной сбило. И две другие собаки – доходяги, ребра вот-вот шкуру порвут – едят своего погибшего собрата. Я перекрестился. Не дай бог до такой жизни дойти, чтобы каннибализмом заняться. Оттого и пересмотрел свою жизнь как киноленту, в ускоренном темпе. Говорят, так перед смертью бывает. Не знаю, но она у меня сегодня проскочила, пока в пробке стоял. Понял, что у меня есть – это просто замечательно! Лишь бы хуже не было! И ты, Рома, цени и береги, что имеешь, иначе потеряешь. И плюнь, что не взяли тебя в чекисты. Забудь и иди по жизни дальше. Не оборачивайся. За спиной, в прошлом, у тебя ничего не изменилось. Что прошло, ты уже ничего не можешь изменить. Живи дальше, служи.

– Легко тебе так рассуждать, – тяжело вздохнул Кушаков. – Ты в таком позоре еще не купался.

– Ты дундук в самом деле или прикидываешься? – внимательно посмотрел на него Романов. – Уголовное дело, предательство – это позор. А что тебя не приняли – эпизод. У меня батя с детства мечтал стать военным летчиком. Не прошел по здоровью, всю жизнь на производстве вкалывал, в горячем цеху, и это с высшим образованием. Там денег просто больше всегда платили. Пальцы настолько загрубели, что уголек может из костра взять. Запах паленого мяса есть, а ожога нет. Так он до сих пор модельки военных самолетов строит. Вот такими пальцами, с помощью инструментов, клеит настолько изумительно, что диву даешься. И потеки масла на стойках шасси изображает. Где надо, и ржавчину на заклепках видать. С детства, как себя помню, клеит. Мне играть никогда не давал. Мать не пускает пыль стирать. Кисточкой из бели-

чьих ушей смахивает сам, только сам. Больше сотни уже по всей квартире стоит. Трясется над ними как над детьми малыми. Кусок пластика, по большому счету, эти самолетики, а на самом деле – мечта детства. Порой кажется, что он с ними разговаривает, и лицо светлым становится, как будто он в полете. И книжки у меня были детские про самолеты. Отец все надеялся, что я тоже «заболею» небом. Пилотов у него много знакомых. Несколько раз в кабине летал. Ты бы видел, с каким восторгом он рассказывал о просторе, небе, как видно на сто километров вокруг. Даже когда вспоминал, было видно, что он волнуется и счастлив. Но это его мечта, не моя. Я летать боюсь страшно, пока поллитру в себя не забую, не переступлю порог аэропорта. Там еще пивом «отполирую», и все, мое тело готово к полету! Ладно! Не жалея себя, Ромка! Цени что есть. А есть у тебя служба – работа, приличная зарплата, по гражданским меркам, подполковничьи лычки впереди и ранняя пенсия. Тоже неплохо, кстати. Тебе всего сорок пять, а ты уже пенсионер! Мечта! Здоровья, правда, немного осталось, но зато пенсия присутствует.

Романов набрал номер знакомого криминалиста-полиграфолога, коротко переговорил с ним и, отключившись, повернулся к Кушакову:

– Человек очень занят. По уши. Нарасхват. Но ради меня через два дня готов помочь тебе. Вызывай пассажира на 14.00 в экспертно-криминалистический центр, завтра – вопросы на стол эксперту. Работайте, мой юный друг, творите!

Кушаков вздохнул, открыл папку с «темным делом» с «потеряшкой» – пропавшим без вести, и начал набирать вопросы для опроса на полиграфе.

Полиграфологи на вес золота. К ним записываются за три-четыре месяца вперед. И не факт, что попадешь в назначенное время. Нередко случается, что втискивают более срочное или по указанию начальства более важное дело. Только Романов, который, казалось, знал в ГУМВД всех и вся, мог вот так, запросто, вне очереди залезть, не ходя на поклон к руководству.

Кушаков набирал текст вопросов, а мысли его были далеко. Он вновь и вновь возвращался к тому, что его несправедливо обидели и не взяли на службу. Он же так надеялся! Он был уверен! Самое страшное – посеять надежду, внушить ее вместе с уверенностью в исходе дела, а затем растоптать. Мечту, надежду, вот так, вдрызг, с размаху, как мокрым кованым сапогом по китайской вазе династии Мин! В крошку, в пыль, в дым, в прах! Тех, кто обманывает мечту, стрелять мало! Лучше бы самого расстреляли, это было бы честнее.

За такими думами Кушаков продолжал набирать вопросы, поглядывая в показания жены потерявшегося, она же и заявила о пропаже дражайшего супруга.

Прошло три дня. Кушаков снова сидел в кабинете со своим коллегой. Расстроенный, небритый, взъерошенный, под глазами темные круги. Романов же, напротив, был благодушен, помешивал чай в стакане в подстаканнике с символикой железной дороги, сбоку свисала нитка с биркой от чайного пакетика.

– Ромчик! Знаешь, что чай можно пить целый день перед коллегами на работе и никто тебе не скажет худого слова? – вдохнув аромат свежесваренного чая, спросил он.

Кушаков включил компьютер, достал из сейфа папку с делом и буркнул:

– Пей на здоровье. Чай не входит в список запрещенных препаратов.

– И опять же ты прав, Рома. Но не буду. Ну, давай рассказывай, как Полиграф Полиграфович поживает? Тетку раскрутил?

– Раскрутили на свою голову, – неопределенно махнул рукой Кушаков.

– Не понял. Поясни. Дело раскрыл?

– Раскрыли. Лучше бы и не раскрывали, – уныло проговорил Роман.

– И чего так? Раскрыл «глухаря» – честь тебе и почет. А ты, вместо того чтобы метнуться в лавку или лабаз за бутылкой мне, сопли по документам размазываешь толстым слоем. Глаголь. Внемлю.

– На полиграфе пошло все как по нотам. Как только жена увидела полиграф, провода, тут же по стеночке и стекла. Усадили мы ее в кресло. Твой товарищ опутал ее проводами, камеру включил. Начал задавать контрольные вопросы, а потом вопросы по делу. А там уже и полиграф не нужен был. Сама как на духу все рассказала. Муж – пьяница буйный. Поколачивал ее и детей. Вот в очередной раз бросился на нее за то, что не дала денег на «продолжение банкета» его души, она схватила нож, а муж на него и напоролся. – Кушаков был взволнован, расстроен, эмоционально входил в пике, рассказывая, заново переживая эмоции допроса жены-убийцы. – Потом она погрузила тело на санки и вывезла со двора. Рядом был заброшенный дом, там и спрятала мужа. Через два дня написала заявление о пропаже супруга. А по весне перепрятала труп. Закопала в овраге. Все рассказала как на духу. Чистосердечные показания, одним словом. Мы с криминалистом сидим, переглядываемся. Она показала плохо сросшуюся руку, а у меня комок в горле застрял.

– Криминалист, твой друг, сам не в своей тарелке. Говорит, мол, если бы не камера, что писала все, то и хрен бы на этого злыдня. А тут... Эх! Поехали на место, дежурную группу взяли. Все показала, выкопали что осталось...

Кушаков замолчал, потом громко стукнул от отчаяния по столу.

Романов отхлебнул чай, посмотрел на него:

– Рома, у меня что-то файлы в голове не сходятся. Убийцу поймал. Дело раскрыл. Тухлое дело. Говорил же тебе, никогда не погружайся в ситуацию, всегда будь над ней, управляй ею. Либо ты управляешь ситуацией, либо она тобой. Иного не дано. А пока ты внутри ее, ты не сможешь быть рулевым. Точно так же, как и с чекистами. Не взяли тебя на этот корабль, ты и сопли распустил. И здесь точно так же. – Он глянул в окно, потянулся сладко, длинно. – У пруда бы сейчас баньку да румяную в предбаннике Маньку...

По итогам месяца Кушакова на собрании отдела похвалили. Начальник отдела, которого все называли «Петрович», поднял Романа, отметил как лучшего. Коллеги же недобро на него посматривали. Отдел занимался розыском. У кого-то имелись результаты поиска и поимки преступников, у кого-то не очень. Но все были наслышаны, как Романов подарил Кушакову свидание с полиграфологом. Оттого и неприязнь сквозила. Не копыта землю, без засад и бессонных ночей, вот так, на блюдечке, раскрытие «темнухи», где убийцей оказалась затурканная жизнью и мужем-алкашом несчастная женщина. Но статистика – дама сухая, без всяких там эмоций. Поэтому в графе «раскрытые убийства» у отдела добавилось на одну единичку больше.

И снова за спиной у Кушакова выросли крылья. Он начал активно наверстывать упущенное время. Загонял себя по встречам, допоздна засиживался на работе, перешел на учащенный график встреч с агентурой. На одной из встреч с агентом, из мелких жуликов, по фамилии Ушаков, кличка в криминальных кругах Ушак, тот с ехидцей в голосе спросил:

– А что, Роман Анатольевич, на базаре мают, что не приняли тебя в штатные дзержиновцы, не дали масть поменять.

Они сидели за обеденным столом на кухне явочной квартиры. Кушаков тяжелым взглядом посмотрел на Ушака, резко приподнялся, обеими руками схватил агента за затылок и со всего размаха впечатал лицо в столешницу. Нос, губы всмятку, по поверхности потекла кровь вперемешку с соплями и слюной. Не отпуская головы, он наклонился и зашипел в ухо Ушакову:

– Слышь, сямка, ты сам успокойся и остальным передай, что вас мои дела не должны интересовать, а вот ваши меня очень даже. Будете шипеть у меня за спиной, пересажая всех поодиночке, а на зону передам, что вы у меня в агентах «шестерками» бегали. Ты меня понял, тело? Ну?

– Понял. Отпусти, мент, – прошипел тот сквозь разбитые губы.

Майор резко отпустил его, встал, подошел к раковине и начал мыть руки, поглядывая на агента. Ушак медленно, опираясь о стол обеими руками, поднял голову, осторожно ощупал

лицо, нос, губы, залез в рот грязным пальцем, потрогал зубы, десны и, сплюнув кровавую струю на стол, процедил:

– Ну, ты и гад, майор!

Кушаков бросил ему под нос мокрую тряпку:

– Поговори у меня еще. Добавлю. А потом пришью нападение на сотрудника. Вытирай за собой!

Ушак начал лениво тереть стол, размазывая месиво по поверхности.

Роман с безгливой миной на лице наблюдал за ним, а потом полез в карман, достал деньги и бросил на стол, прямо в лужу из крови:

– На! За наводку спасибо. Про все остальное – не твое дело. Жду через неделю здесь же!

Ушак сгреб испачканные деньги, сунул в карман брюк, обулся в коридоре и молча вышел, хлопнув входной дверью.

Роман прошел в ванную, прополоскал тряпку и начал вытирать стол, долго, тщательно, не пропуская ни одного кровавого пятнышка. С мылом промыл тряпку, поправил стулья и, удовлетворенно кивнув, покинул явочную квартиру.

Он шел по городу, периодически проверяясь, нет ли за ним хвоста. Понятно, что его не могло быть, но это уже в крови, как у любого оперативного сотрудника. Начинал Роман службу как «разведчик наружного наблюдения», не один год «оттоптал», наблюдая за фигурантами, прежде чем перевелся в уголовный розыск, и, как вести контрнаблюдение, прекрасно знал. Для этого нет необходимости крутить головой и присаживаться внезапно, якобы завязывая шнурки, есть масса витрин в большом городе, и стекла, зеркала припаркованных автомобилей прекрасно отражают всю обстановку, что творится у тебя за спиной.

Зашел в кофейню по пути. Он любил заглядывать сюда. Вкусный кофе, бесплатный доступ в интернет. Сел за свободный столик, достал смартфон, подключился к интернету и начал просматривать почту. Выскочила реклама, предлагающая туристические поездки в Англию. Роман попытался закрыть ее, но неосторожное движение пальца перебросило его на сайт туристической компании. Красивые фото Тауэра, Букингемского дворца, Трафальгарской площади.

Он внимательно рассматривал фото, потом отложил в сторону смартфон, потянулся к кружке с кофе, сделал глоток, бросил взгляд на экран, где застыла картинка с развевающимся флагом Великобритании, быстро допил и, рассчитавшись, вышел. Вернувшись на работу, Романова в кабинете не застал, опера ноги кормят.

Стал писать справку о встрече с агентом. Периодически вставал, прохаживался между столами от двери до окна, посматривая на часы. Время тянулось медленно.

С трудом заставил себя закончить справку о встрече. Отнес секретарю на регистрацию и на визирование начальнику отдела.

Сам же в смартфоне начал просматривать предстоящие в городе культурные мероприятия. Его интересовали лишь те, где будут задействованы иностранцы. Искать долго не пришлось. С передвижной выставкой приезжала группа англичан. Кушакова мало интересовало искусство, а тем паче современное. Да и заметка была маленькая, значит, не событие городского масштаба и народа будет немного. А это означает, что и контрразведки будет немного, а то и вовсе будет отсутствовать.

Это в советское время, когда сибирский город был закрыт для посещения иностранцев, каждое прибытие какой-нибудь делегации – целое событие. Все силы местных чекистов и милиции бросались на сопровождение иностранцев. А сейчас – вполне рядовое событие, обыденное. Приехали, показали картинки свои, покатались по городу, напоили, накормили, а затем уехали.

Роман посмотрел, где будет проходить выставка, и усмехнулся. Хорошо знал этот бывший Музей Ленина, сейчас – Культурно-исторический центр современного искусства. Знал,

где и как расположены камеры наблюдения доисторического происхождения. В залах полумрак, освещены только экспонаты, камеры аналоговые следят только за тем, чтобы не попортили или не сперли выставленные работы. А по углам вообще сумрак.

Он от возбуждения потер руки. Налил себе кружку растворимого кофе, уставился в окно и, отхлебывая, шепотом несколько раз произнес, еле сдерживая эмоции:

– Я вам покажу, как надо работать. Всем покажу! Вы у меня их тепленькими возьмете. И потом сами будете умолять перейти на службу.

В уголовном розыске редко когда заканчивался рабочий день в восемнадцать ноль-ноль. Преступный элемент просыпается и творит недоброе поздно, ближе к вечеру, и у оперов начинается настоящая работа. Порой несколько мероприятий по задержанию происходит одновременно, и тогда задействуют все силы личного состава. Кушаков любил участвовать в силовых задержаниях. Не боялся идти вперед. Действовал предельно жестко, не давая ни единого шанса противнику. Любил некоторую показушность в своих действиях. И часто получал от руководства благодарности за «смелые и умелые действия при задержании преступника».

Сегодня же у него были иные планы. Нужно идти к шефу, так его называли подчиненные, но чаще – просто «Петрович». Тот начинал службу с участковых, с «земли», от «сохи». Дотошный, внимательный к мелочам, принципиальный. Требовательный к себе и к подчиненным. Перед начальством шапку не ломал. Весь отдавался службе, оттого и семейная жизнь не складывалась. Три брака распались. В свои сорок пять лет у него было четверо детей от прежних браков, внук и много алиментов, в половину денежного содержания.

Ростом в метр семьдесят пять, с чуть оплывшей талией, шеей бывшего борца, широкими плечами. Уши, как у всех борцов, были поломаны. Нос из-за пары переломов чуть приплюснут и сдвинут. Лысый, зато брови кустиками нависали над глазами. Выцветшие голубые, глубоко посаженные глаза тяжелым взглядом буравили собеседника. Одна из любимых приключений Петровича была: «Верить никому нельзя! Ни агенту, ни преступнику, ни начальнику, а особенно – жене!»

Чтобы не свалиться от усталости, Петрович иногда употреблял стопку-другую, но не пьел, лишь зверел. Вот тогда ему под горячую руку нельзя было никому попадаться. Ни подчиненному, а особенно – преступнику. Подобно горилле, враскачку, как ходят профессиональные борцы, он молнией бросался и сбивал с ног любого бандита. А подчиненные, попав под раздачу, стремглав выбегали из кабинета.

Больше всего Петрович не любил бездельников и лентяев. Даже если к нему кто-то попал по знакомству, он не давал спуска, а те, кто пытался прикрыться высокопоставленными связями по молодости лет и глупости, вылетали из отдела через месяц. Но своих подчиненных он отстаивал перед любыми начальниками. Даже когда приезжала комплексная московская проверка, Петрович буром пер на них, доказывая, что его сотрудники пусть и недоработали в оформлении бумаг, но главное – дело, а не оформление, раскрытие преступления.

– Разрешите, товарищ подполковник! – постучался в его кабинет майор Кушаков.

У Петровича стол был завален документами. Он снял очки, устало потер переносицу:

– Чего тебе, Рома?

– Я пораньше слиняю, у меня на другом конце города встреча еще сегодня. Можно?

Начальник поднял глаза к потолку, поводит вправо-влево, что-то прикидывая, и ответил:

– Два мероприятия. Два задержания. Вроде все на месте. Справимся без тебя. Утром справку о встрече на стол. Если в прошлом месяце на «потеряшке» ты вылез, то в этом хрен у тебя получится профилонить. Порву на британский флаг. Понял?

Услышав про «британский флаг», Роман широко улыбнулся:

– Так точно, понял!

– Чего зубы-то сушишь? Врешь, поди, что к агенту на встречу. По девкам небось рванул? Колись!

– По агентурным делам. Крест на пузе! – отрицательно покачал головой Кушаков. Петрович опустил очки на переносицу, махнул рукой, мол, ступай, и вздохнул:

– Жениться тебе пора, Рома. Уже за тридцатник. Пора.

– Какая жена выдержит мужа, когда его сутками дома нет, а когда придет домой на чуть-чуть, от него как от бича пахнет!

– И то верно, – кивнул Петрович. – Мало у кого из оперов один брак. Но все равно – женись. А то без жены мужика тянет на всякие непотребства. – Подумал немного и добавил: – Да и женатого тоже. Все, топай, не мешай работать!

По дороге домой Кушаков купилпельменей на ужин. Родители жили неподалеку, он часто забегал к ним перекусить. Даже если никого не было дома, контейнер с едой для сына всегда стоял в холодильнике, надо было только поставить в микроволновую печь. Но сейчас у Романа билась только одна мысль. Он был охвачен азартом охотника, адреналин как перед захватом. Вперед, вперед!

Обжигаясь, он не ел – хватал огненные пельмени, запивал тут же холодным кефиром. Ноутбук давно прогрелся, загрузился, был готов к работе.

Роман забил в поисковой строке «русскоязычная газета объявлений Лондона». Из немногих объявлений он нашел одно, которое ему понравилось: nahodka.uk. Все по-русски, аналог «Из рук в руки». Несколько часов он изучал этот сайт, архив сайта, делал пометки. Затем зашел в онлайн-переводчик «русский-английский» и набрал для перевода текст:

«Здравствуйте! Я – сотрудник правоохранительных органов из города N. Имею доступ к государственной тайне. Хочу предложить сотрудничество. Готов передать интересующие вас сведения. В случае, если вы согласны, прошу на сайте объявлений <https://nahodka.uk/> в разделе «разное» каждый вторник в течение двух месяцев публиковать: «Продаю щенка, 2 месяца. Помесь сенбернара и гончей». И указываете электронный адрес, на который я напишу письмо». Текст подписал: «Алексей Романов». Продумывая ход назад, в случае, если что-то пойдет не так, он решил, что кандидатура соседа по кабинету майора Романова подходит как нельзя кстати. Тот собирается на пенсию, хочет подзаработать денег на домик у моря.

Затем нажал на кнопку «перевести», и текст высветился на английском. Надел резиновые перчатки, что купил по дороге в аптеке, достал новую пачку бумаги, вскрыл ее, вставил бумагу в принтер. Распечатав, аккуратно вынул листок.

Набрал в поиске адрес английской разведки МИ-6. Лондон, набережная Альберта, 85. Посмотрел на многоуровневое здание, почитал историю постройки, даже о том, как советской противотанковой ракетой боевики Ирландской республиканской армии жажнули по нему и попали под основание спутниковой антенны.

Скопировал адрес МИ-6 в английской транскрипции. В тех же резиновых перчатках достал из пачки конверт, вставил в принтер, тот напечатал адрес английской разведки.

Стараясь не дышать на конверт, чтобы не оставить образчик ДНК, свернул письмо, аккуратно положил его в конверт и запечатал. Потом положил в газету, которую бросают в великом множестве в почтовые ящики, снял перчатки.

Вымыл вспотевшие руки, умыл лицо, посмотрел в зеркало в ванной. Зрачки были расширены от возбуждения. Такие глаза он наблюдал неоднократно у преступного элемента после употребления анаши, гашиша или «экстази – МДМА».

С Романа крупным градом повалил пот. Во рту снова пересохло. Пальцы стали подрагивать мелкой, чуть заметной дрожью. Он еще раз умылся, снова посмотрел в зеркало и тихо проговорил вслух:

– Точно как наркоман. Чего ты волнуешься? Возьми себя в руки, тряпка! Ты же не Родину продаешь, а идешь в атаку, вызываешь огонь на себя. Чтобы поймать подлых шпионов, которые лезут к нам. Так что, Ромчик, ты не изменник, а герой! Разведчик!

Снова прошел к компьютеру. В переводчике набрал фразу на русском языке: «Добрый день! Пожалуйста, когда будете в Англии, опустите письмо в почтовый ящик. Это очень важное дело! Спасибо». Перевел на английский. Несколько раз прочитал, потом распечатал и, разорвав лист на четыре части, рассовал по карманам одежды, в которой ходил на службу. Почистил историю браузера и поиска, выключил компьютер и пошел спать. Утром, по дороге на работу, за поворотом, когда никто его не мог видеть, выбросил перчатки в урну.

Следующие два дня перед выставкой прошли в тревожном ожидании. Газета с письмом хранилась в мусорном ведре дома.

Но Кушаков не сидел на месте. Он действовал. Памятуя, что каждое мероприятие нужно подготовить, посещал место предстоящей встречи. Навыки перевоплощения у него были не просто из любительского театра, его обучали корифеи из наружного сыска во время учебы в Санкт-Петербурге.

Сделать лицо безликим, нацепив дешевые очки без диоптрий, неряшливость в одежде, грязная, стоптанная обувь, несколько иных штрихов, и окружающие видят типичного «ботаника», который с удовольствием ходит по музеям. Обычный посетитель таких заведений. Он здесь смотрится органично.

В таком обличье Роман и ходил в Культурно- исторический центр. Он изучал выставочные залы. Зал Ленина, зал, посвященный Великой Отечественной войне, современным войнам. Роман всматривался в фотографии погибших земляков. Тех, кто ушел на фронт или был призван в горячие точки бывшего Советского Союза, в Афганистан и там сложил головы. Длинный, высокий стеллаж черного цвета, поделенный на ячейки, в каждой по фотографии погибшего. Все молодые лица. Перед каждой фотографией маленькая лампочка в виде свечечки, и свет из нее бьется как настоящее пламя.

Забыв на несколько минут, зачем он сюда пришел, Роман медленно двигался вдоль фотографий, пытался всмотреться в лица погибших за Родину, словно ждал, когда они с ним заговорят. Помотал головой, стряхивая с себя наваждение, – он не для этого здесь, и улыбнулся:

– Ничего. Я тоже совершу пусть не подвиг, но поступок.

Сторонний наблюдатель увидел бы, что молодой человек, явно с плохим зрением, почти носом чертит по витринам, прищуривается, пытаясь рассмотреть экспонаты за стеклом. Такие вызывают не интерес, а сочувствие.

Сам же Кушаков вел напряженную работу. Он запоминал, где расположены камеры, охрана, нет ли сотрудников госбезопасности на объекте заинтересованности. Если бы прибывающие иностранцы представляли интерес для контрразведки, то чекисты тоже готовились бы к проведению выставки заранее.

Но все было тихо. Рабочие готовили зал современного искусства к выставке. Освобождали площади. Перемещали съемные панели, сверялись с чертежами, выставляли оборудование, на котором будут размещаться картины, перенастраивали освещение, попутно двигали камеры наблюдения, направляя на предстоящую экспозицию.

По радиостанциям они переговаривались с сотрудниками охраны. Камеры старые, аналоговые, углы оставались вне поля зрения. И они были затемнены, чтобы не отвлекать внимания от вернисажа.

Был разгар рабочего дня, так что по залам бродили лишь редкие посетители. Даже охраны не видно, кроме как на привычных местах, где они мирно дремали или морщили лоб, пытаясь разгадать очередной кроссворд. Романа это устраивало. Волнение и дрожь немного унялись. Вроде ничего необычного. Все чисто. Рутинка. Пора возвращаться на работу.

В управлении царила суеда. Так обычно происходит, когда готовится мероприятие по задержанию. Кто-то печатал постановление на проведение оперативно-разыскного мероприятия, рапорт. Распечатали из интернета карту дома, где, предположительно, прятался злодей. Никто даже не заметил отсутствия Кушакова.

Роман привел свою внешность в обычный вид и зашел в свой кабинет.

– О, привет! – увидев его, поздоровался Алексей.

– Здорово! Что за суета? Кого берем?

– Громова. Два года спортом занимается – в бегах.

– Чем знаменит?

– Погоняло у него «Гаврила» из-за силы дурной.

– Какой масти будет?

– Из животных он. Наркоман героиновый. «Тело» это с подельниками год назад на «гоп-стоп» граждан раздевал. А кто сопротивлялся, тех Гаврила калечил. Всех взяли, но ему удалось уйти. Повесил на себя еще и сопротивление, причинение увечий средней тяжести сотруднику при исполнении. Намотал себе много чего. Уходил из города, сейчас вернулся, на притоне в «лежке» в Покровке обретается.

– Притон героиновый?

– Ага. Только тихо не подойти. С мужиками говорил, которые с утра выставились под адресом. Место тихое, мало хоженное. Избушка-развалюшка, только там можно огородами дернуть через пару соседей – черт не догонит.

– «Тяжелые» будут? – спросил Роман.

– Ага. Дивизию Дзержинского нам в помощь придают. С вертолетами и танками. ОМОН и СОБР за полгода надо заказывать. Их на части рвут. Кто на Кавказе зависает, кто на задании. Сами. Все сами. Своими ручками и ножками.

– Я пойду первым! – тряхнул головой Роман. – Предыдущее задержание профилонил – тут развлекусь.

Романов оторвался от бумаг, поднял глаза и тяжелым взглядом посмотрел на него:

– Знаешь, Ромчик, почему тебя в отделе недолюбливают?

Кушаков равнодушно пожал плечами, мол, все равно.

– Ты на чужих мероприятиях себе очки зарабатываешь. Вот и опять хочешь первым войти? Мол, герой? А зачем? Работа коллективная. Инициатор мероприятия планирует. Он и начальник отдела несут ответственность. А ты пару раз чуть не сорвал. Вошел в адрес красиво, слов нет, только не фигуранта взял, а свидетеля. «Тело» было не при делах, а ты его чуть инвалидом не сделал. А злыдень выскочил в соседнее окно, благо что мы блокировали периметр. Кое-как замяли твой прокол, да и родственники твои из отдела собственной безопасности тебе содействие оказали. Так что и сейчас тебе кураж нужен, а на чужое дело плевать.

Кушаков собрался было ответить, но тут в коридоре раздался голос начальника отдела:

– Все ко мне! В мероприятии участвуют все! Если у кого были планы на вечер – забудьте! Никаких отгулов за прогулы! Работы всем хватит.

Офицеры забились в кабинет Петровича. Тот оглядел присутствующих, все ли на месте, налил в стакан минералки, выпил, кивнул:

– Григорьев, докладывай!

Капитан Григорьев встал, вышел на середину кабинета. Он хоть и молод относительно остальных присутствующих, но показатели у него по розыску и задержанию преступников в розыске были не хуже, чем у опытных. Ему редко приходилось выступать перед коллегами, лицо покрылось красными пятнами, желваки на худом лице гуляли ходуном. Но тем не менее он кратко, емко доложил ситуацию, свои предложения, где и как расположить силы и средства. Предупредил, что Гавриле терять нечего. Все подельники-наркоманы два года назад показали, что он был организатором, а они невинные овечки-исполнители. И действовали только из-за страха быть убитыми или покалеченными главарем. Понятно, что бред собачий, но за активное сотрудничество со следствием и раскаяние получили небольшие сроки.

Григорьев стал предлагать, как расположить сотрудников, кто будет первым заходить в избу. По его раскладу получалось, что Кушакову стоять далеко от мероприятия. В обозе. На

подстраховке, на всякий случай. Туда обычно определяли тех, кому до пенсии полгода оставалось.

На мероприятии полную ответственность несут два человека: инициатор мероприятия и начальник отдела, который подписался под его проведением. И как сейчас решат, так оно и будет.

– Разрешите, товарищ подполковник! – поднял руку Роман.

Петрович кивнул.

– Что же меня в обозные записал? Не старик вроде. Здесь вот окошко на улицу выходит, я готов через него зайти, поздороваться с Гаврилой.

– Через окно?

– Ага. Сначала кирпич, потом меня следом «щучкой» забрасывают. Элемент неожиданности.

– Не против? – посмотрел на Григорьева Петрович.

– Не против. Только мы не знаем, кто там преступник, а кто просто пришел дозу себе вколоть или поклянчить остатки. Нам Гаврила нужен, с остальной публикой в отделе будем разбираться. Трупы и инвалиды не нужны, тем более сторонние. Не закапывать же их в огороде, соседи заметят.

Народ в кабинете дружно хмыкнул, представив себе эту картину.

Потом перешли к обсуждению деталей проведения операции, после чего разошлись по кабинетам готовиться к выезду, назначенному через два часа.

Романов с Кушаковым прошли в свой кабинет. Кушаков полез в нижний ящик стола, достал старомодные потертые зимние замшевые перчатки, надел их.

– Мой юный друг, а на хрена тебе летом зимние перчатки? – поинтересовался Романов. – Нож хватать решил за лезвие? Так я тебе авторитетно заявляю, что не получится. Один плюс, что пальцы с пола подбирать не придется, они в перчатках и останутся, удобнее в больницу везти. Я, понимаешь, брезглив возиться с чужими «запчастями». Нужны специальные, прошитые проволокой перчатки. А их одна пара на весь наш доблестный спецназ. Дефицитная вещь. Денег не хватает.

– Нет. Не под нож они, – пояснил Кушаков. – В нарконтроле спецназовец заходил в притон, а там иголки на полу валялись, и он несколько засадил себе в ладони. Итог печален, два гепатита поселил себе в организм, сразу В и С. Пес знает, чем эти «животные» болеют. А перчатки толстые, хоть и древние, иголки нацепляют, но до кожи не пустят. Ну, и по морде бить их тоже безопасно. Костяшки рассек, а у него СПИД, ВИЧ или еще какая хвороба. И все. С работы турнут как больного, без пенсионера, и будешь умирать молодым. Не хочу!

Романов оценивающе посмотрел на него:

– Хорошо мыслишь, Ромчик, перспективно, образно. Тебе бы романы писать. Увлекательно описываешь. Жизнеутверждающе. Пойдем поедим, заодно хозяйственные перчатки себе прикуплю, может, конечностями придется поработать...

Выставились под адресом. Все как планировали. Сотрудники, которые с утра наблюдали за домишком, подтвердили, что Гаврила там. Вместе с ним человек пять-семь, по внешнему виду – наркоманы.

Романов и двое сотрудников, прижимаясь к стене и полуприсев, подкрались к окну, выходящему на улицу. Ждали сигнала. Заходить должны были одновременно со двора, в дверь и Кушаков в окно. Второе окно контролировалось и блокировалось на случай попытки прорыва фигурантов.

Сигнал! Штурм! Романов в перчатках бросил принесенный с собой кирпич в окно. Двойное стекло в древней раме брызнуло осколками в стороны, прогнившая деревянная рама с хрустом разлетелась, пропуская кирпич в комнату.

Тут же сделали с Крючковым руки в «замок», Кушаков, в перчатках, с пистолетом в одной руке, быстро встал на подставленные коллегами руки, и те, выпрямляясь во весь рост, забросили его в дыру окна, по краям которого, ошетилившись, торчали острые как бритвы осколки того, что было окном.

Пол грязный, весь в мусоре. Окурки, шприцы, тусклая лампочка без плафона, засиженная мухами, освещала только маленький круг под собой.

Кушаков приземлился, сгруппировался, перекатился через плечо, вышел на одно колено, осмотрелся. На полуразвалившемся диване лежал огромного вида мужик. При таком освещении было непонятно, Гаврила или нет, и Роман заорал:

– Руки! Руки перед собой! Не вставай! Патрон в стволе! Милиция!

Мужчина сунул руку под подушку, схватил нож, скатился на пол, выбросив руку вперед и целясь Кушакову в горло. Роман вскочил на ноги, отпрыгнул в сторону, ткнул в его голову ствол «ПМ»:

– Лежать, сука! Мозги вынесу враз! Нож в сторону!

Мужчина отбросил нож, тяжело вздохнул.

– Мордой в пол, руки за спину! Быстро, кому сказал! Шевелись!

Задержанный послушно перевернулся на живот, завел руки за спину. Роман выдернул из-за ремня наручники и быстро защелкнул браслеты на запястьях. Коленом уперся в спину и сильно вдавил ствол пистолета в затылок лежащему на полу.

Сотрудники, кто входил через дверь, споткнулись о тела лежащих на кухне наркоманов, которые вкололи себе дозу опиатов и теперь находились в тяжелом наркотическом забытье. С матами, криками они прорвались в комнату, где Кушаков восседал на стреноженном задержанном. Григорьев подошел, почти в упор посмотрел в глаза мужчине и кивнул:

– Это Гаврила! Он. Наш! Оформляем!

Все сотрудники с облегчением вздохнули. Было несколько раз, что, получив информацию и не проверив ее толком, врываются в дома, но там либо уже след простыл разыскиваемого, либо его там вовсе никогда не было. А один раз вообще ошиблись адресом, выставили дом по соседству. Буквы «А» и «Д» были нарисованы практически одинаково, вот и перепутали в темноте. Потом всем отделом скидывались на покрытие материального ущерба. А бандиты под шумок улизнули из соседнего дома.

Часов через шесть, когда закончили осмотр, добрались с задержанными до отдела, разбрелись по кабинетам в ожидании, что будет продолжение. Сейчас начнут «колоть» задержанных, а наркоманы, когда отходят от наркотического опьянения, готовы многое рассказать. Но зачастую и фантазируют. Ради дозы готовы на все.

У них был изъят почти мешок ворованных сотовых телефонов. Это означает, что многие «темные» дела будут раскрыты.

Кушаков чувствовал себя хорошо. Адреналин нашел свой выход. Он включил чайник, Романов полез в свой сейф, достал початую бутылку коньяка:

– По пять капель? За твой успех. Молодец!

– Немного. Для бодрости, а то усну.

Чокнулись, выпили.

– Знаешь, забудь, что я тебе наговорил до мероприятия, – сказал Алексей, заваривая себе крепкий чай. – Если бы не твое геройство, то все бы пошло прахом. Я не полез через окно, побежал к входу. А там, в сенях, на кухне эти... обдолбанные, загаженные, облеваннные наркоманы валяются. Споткнулись, задние напирала на передних и повалились друг на друга. Куча мала. Идиотизм! А ты один этого громилу повязал. Так что, Рома, не терзай себя, что не попал к чекистам, ты и здесь на своем месте. Думаю, что многие в отделе это тоже сегодня поняли.

У Кушакова от треволнений прошедшего дня, отсутствия сна, усталости физической и эмоциональной в сознании всплыли фотографии погибших, что рассматривал в музее.

Дни перед выставкой он зубрил текст на английском. Вынимал кусок текста и повторял, повторял, отрабатывал интонации. Голос старался сделать более проникновенным, но мало-эмоциональным, чтобы не испугать излишней экспрессией англичанина. Несколько раз проходил мимо Культурно-исторического центра, запоминал, какие там машины. Госномера помняты легко, но каждая машина имеет свою «осанку». Как человек. Он может надеть любую одежду, но походка, осанка, стать делают его узнаваемым в любой толпе. Вот и Кушаков, прогуливаясь по набережной, осматривал стоящие машины.

Открытие выставки в 10.00. Открывать ее будет местный министр культуры, значит, телевизионщики, журналисты, восторженные поклонники, богемная тусовка типа жен местечковой элиты, мнящей себя искусствоведами. На всю суету он положил три часа.

В 14.00 Роман купил билет на посещение центра. Образ у него был студенческий, даже взгляд сумел подделать. Все верно рассчитал. Богема отметилась на культурном мероприятии, обсудила на телекамеры картины, теперь мирно потягивала шампанское из высоких бокалов, обсуждая городские сплетни, меряясь, чей муж обладает большим административным или финансовым ресурсом, рассматривая и хвастаясь новыми ювелирными украшениями.

У подвесных систем, на которых располагались выставленные произведения современного английского искусства, толпились, галдели студенты из института искусств.

Младшие курсы почти в упор рассматривали, пытаясь уловить нюансы. Старшекурсники же, отойдя назад, с видом утомленных знатоков неспешно обсуждали выставку.

Все были заняты, только тот, кто организовал выставку, покинутый всеми, стоял в стороне и удовлетворенно оглядывал зал. Вернисаж явно удался.

Кушаков сделал неспешный круг, делая вид, что рассматривает предметы нового реализма. Как бы мимоходом, типа шел мимо, но сделал шаг к англичанину, спокойным, тихим голосом, чтобы не привлекать внимание переводчицы, что стояла неподалеку с бокалом бесplatного шампанского, обратился к нему и проговорил заученный наизусть текст.

Сам себя контролировал, не сделал ли ошибки. Протянул свернутую газету, в которой лежал конверт. Англичанин рассеянно улыбнулся, кивнул, что-то сказал, Кушаков не понял ни слова. Поняв, что великовозрастный студент ни бельмеса не понимает в международном языке общения, тот кивнул: «О' кей», развернул газету и бросил взгляд на адрес на конверте. Глаза расширились, улыбка стерлась на мгновение. Он еще раз бросил взгляд на Романа, кивнул уже сухо, газету с конвертом сложил вчетверо, оглянулся, убрал во внутренний карман и залпом осушил шампанское.

Кушаков, не прощаясь, сделал круг по залу, пройдя среди студенческой молодежи, и тихо покинул выставку.

Его спина была мокрая от пота, который тек рекой между лопатками. Ему хотелось сорваться с места и бежать. Руки от волнения подрагивали, и он засунул их в карманы...

Теперь каждый вторник Роман начал заходить на сайт, где русские эмигранты в Англии размещали свои объявления. Но долгожданного объявления о продаже щенка-мутанта так и не было. И даже после окончания двух месяцев он еще месяц без надежды просматривал сотни объявлений. Но ничего. Пусто...

То ли художник в пьяном угаре после удачного дня потерял письмо, то ли выбросил, испугавшись везти через границу, или... или же английской разведке неинтересно его предложение. Неужели он не представляет интерес? Весь его план по ведению оперативной игры с иностранной разведкой, чтобы доказать чекистам, что он чего-то стоит, рушился на глазах. Получалось, что правильно поступили, когда не взяли его. Они поняли то, чего он сам в себе не рассмотрел. Если уже не интересен врагам, то своим и подавно. Обидно. Но такого не может быть! Не каждый же день к ним обращается носитель государственных секретов!!! Надо про-

бовать снова. Но уже обратиться не к чопорным англичанам, а к тем, кто весь мир держит за горло – ЦРУ!!!

Непонятное, щемящее чувство неопределенности отступило. В голове снова появился план.

Кушаков, взяв с собой ноутбук, в обеденный перерыв зашел выпить чашку кофе в кофейню, где был бесплатный интернет. Сел за свободный столик, раскрыл свой ноутбук и через поисковую систему зашел на сайт ЦРУ www.cia.gov. Начал изучать. Имеется форма обратной связи. На этом достаточно для первого раза.

Уже дома, после работы, он перевел на английский текст-обращение: «Здравствуйте! Я – офицер, имеющий доступ к государственной тайне. Я хочу предложить свои услуги. Ранее пытался выйти на контакт с подобным предложением к МИ-6, передав письмо с оказией. Но или письмо не дошло по разным причинам, или ваши коллеги не заинтересовались моим предложением. Выражаю надежду, что мое предложение вы найдете привлекательным и мы будем взаимно полезными. Романов Алексей».

Роман несколько раз перечитал свое обращение. Показалось сухо, вычурно, но убедительно. Перевел текст на английский, сохранил перевод на флеш-карте и засел создавать новый почтовый ящик на google.com.

На следующий день, снова во время обеденного перерыва, отправился в то же кафе, сел за столик, заказал чашку кофе, вышел в интернет через сеть кофейни. Пальцы подрагивали. Очень хотелось оглянуться. Если его сейчас поймают контрразведчики, то доказать, что он сам затеял оперативную игру, будет крайне сложно. Невозможно. Но он решил идти до конца. Зашел на сайт ЦРУ, с карты скопировал сообщение, вставил в окно обратной связи и в конце забил новый адрес электронной почты.

Отформатировал съемную карту памяти, зашел в историю браузера и почистил ее. Выключил ноутбук, заказал еще кофе и пятьдесят граммов самого дорогого коньяка. Покрутил бокал, понюхал.

– За удачу! – залпом выпил и тут же осушил чашку с горячим кофе.

ЦРУ

Организация, которая не спит. Так сотрудники между собой называют ЦРУ. Круглые сутки в комплексе зданий сотни сотрудников изучают, скрупулезно анализируют информацию, которая стекается к ним. Это и открытые источники, по дипломатическим каналам, от сотрудников за рубежом, по линии разведки НАТО, от Разведывательного управления министерства обороны, АНБ, ФБР и многих других. И самое главное – от завербованных агентов во всех странах мира.

В 6.30 начальник отдела по России и Европе уже сидел в своем рабочем кабинете. Он ввел пароль на рабочем компьютере и начал просматривать почту с донесениями, сообщениями, пришедшими за ночь. Вчера он ушел с работы около десяти часов вечера. Но если в США ночь, то в другом полушарии, который он курировал, был день. Жена ему предлагала, чтобы он перешел на другой график работы: ночью работает, а днем отсыпается.

Одно из условий работы в ЦРУ – универсальность. Не узколобость и узкая направленность, а именно способность анализировать, сопоставлять факты. И этим занимались все, от стажера – выпускника «фермы» до стареющих сотрудников. Не просто получить информацию, а максимально изучить ее, проверить на вертикальные и горизонтальные связи. Посмотреть, как она укладывается в общую мозаику разведывательной информации мира. То, что могло быть важным, помечалось флажком красного цвета. Также имелись оранжевый, желтый, синий.

Нельзя сказать, что вся информация, которая доходила до начальника отдела, была вся помечена красными значками, но если это происходило, приоритет его внимания сосредотачивался на ней.

Вот и сейчас дежурившие ночью аналитики по России пометили оранжевым цветом сообщение.

Он открыл его первым и прочитал текст о сотрудничестве. Дальше шел анализ. Дежурившие ночью связались с англичанами из МИ-6, чтобы те подтвердили факт обращения к ним. Ответ англичан подтвердил, что так оно и было.

По отпечаткам пальцев на конверте был установлен английский художник, который в беседе рассказал, при каких обстоятельствах он получил письмо и о просьбе бросить его в почтовый ящик в Англии. Само письмо он не открывал. Описал передавшего конверт. Указал место, дату, время. Проанализировав обстоятельства передачи письма, англичане сочли, что это провокация со стороны местного Управления ФСБ, и решили не реагировать на него.

Начальник отдела хмыкнул. Хорошо живут эти бриты на своем маленьком острове, даже не удосужились прощупать человека, инициативно вышедшего на контакт. Наверное, у них такое количество агентуры у русских, что можно вот так, запросто, отмахнуться. Особенно из региона, где расположены предприятия атомной промышленности, ракетная дивизия и еще очень многое, что интересует многие разведки НАТО. А англичане отмахиваются.

Он продолжил чтение.

Далее шел анализ указанного электронного почтового ящика на «Гугле». Оказалось, что имеется связь с другим электронным почтовым ящиком, созданным несколько лет назад, а также связанным с ним аккаунтом, привязанным к мобильному телефону.

Телефон использовал операционную систему «Андроид» – продукт «Гугла».

А вот тут, по мнению ночных аналитиков, начинается самое интересное. Телефон принадлежал Кушакову Роману Анатольевичу. Судя по фотографиям, размещенным на русском сайте «ВКонтакте», – майору милиции, проходящему службу в уголовном розыске.

При анализе его передвижений, которые зафиксированы службой геолокации «Андроид», рабочее время он проводил в здании Управления уголовного розыска, даже этаж указан, правда, с небольшой путаницей, то ли второй, то ли третий.

Отдельно было выделено, что контактер неоднократно посещал здание местного УФСБ, а также медицинскую часть этого же учреждения.

Анализ телефонных номеров установил наличие более двух десятков, где после фамилии и имени стояла пометка «ФСБ». Сверив с имеющейся оперативной базой, выяснили, что произошло совпадение по пяти номерам. Они принадлежат штатным офицерам указанного Управления ФСБ. Еще более интересным было то, что телефон Кушакова неоднократно бывал в закрытых городах, где располагались объекты атомной промышленности. И не просто внутри городов, а на самих атомных объектах и рядом с ними. Таким образом, представляется возможным и необходимым пойти на развитие контакта с «инициативником».

Прогнав телефонный номер через Global Distribution System – GDS, мировую систему бронирования билетов, используемую крупными авиакомпаниями мира и России, установили, что Кушаков один раз летал в Турцию на отдых, неоднократно по внутренним маршрутам в Москву и Санкт-Петербург.

Установлена банковская карта, по которой он оплачивал авиационные билеты. Анализ покупок по карте показал, что ничего запрещенного, компрометирующего не покупал. Покупки самые необходимые, бережливые, мужские. Полуфабрикаты, готовые продукты.

Обезжиренные йогурты, сметана, кефир. Колбаса нежирных сортов. Минимум одежды и обуви.

Никаких салонов красоты, женских бутиков. На карте всегда оставался остаток денег, который накапливался из месяца в месяц.

Начальник отдела по России и Европе открыл вкладку «Поручения» и отписал данное сообщение на исполнение двум опытным сотрудникам с комментариями «Считаю контакт перспективным. Также обращаю внимание, что это может быть провокация со стороны ФСБ, частично разделяю мнение коллег из МИ-6. Прошу докладывать мне незамедлительно по мере развития вербовки».

Кушаков

Роман стал почти каждый день посещать заведения общественного питания неподалеку от места службы. Он не носил с собой ноутбук, подключался через общественную точку доступа со своего мобильного телефона, проверял новый почтовый ящик. Два дня не было ничего, но на третий день пришло одно письмо.

Кушаков оглянулся, готовый мгновенно удалить письмо, если ему будет угрожать опасность. Но все посетители занимались своими делами. Никому не было дела до окружающих, тем более до майора милиции, который пытался затеять оперативную игру с американскими разведчиками.

Он открыл письмо, которое было написано по-русски:

«Здравствуйте! Мы получили ваше письмо. Мы заинтересованы в получении информации, представляющей для нас интерес. Вы можете общаться с нами на русском языке, если у вас есть сложности в понимании английского. Пишите на электронный почтовый адрес. С уважением и надеждой на длительное и плодотворное сотрудничество, Пол». В письме был указан почтовый ящик.

Кровь прихлынула к голове от радости и волнения. Вот оно! Вот! «Церэушники» заокеанские клонули!!! Ему захотелось побежать к контрразведчикам и сунуть им под нос, заорать, что они черти поганые! Лапотники сибирские! Ничего не могут, штаны протирают и деньги от государства получают зазря! А он сам, в одиночку выманил на себя самую могущественную организацию в мире!

Роман тут же набрал ответ: «Здравствуйте! Спасибо, что так быстро ответили. Какая информация вас интересует?»

«Вы сами в письме к нам указали, что имеете доступ к определенной информации. Вот она и интересует нас. Пол».

Кушаков:

«Я понимаю. Но поймите правильно, мне страшно».

«Мы понимаем. И заботимся о безопасности наших источников информации. Со своей стороны готовы гарантировать все меры конфиденциальности. К каким сведениям вы имеете доступ? Пол».

«Я обладаю доступом к сведениям оперативно-разыскной деятельности в системе МВД региона».

«Это очень интересно. Но электронные каналы связи не защищены должным образом. Поэтому предлагаем вам личную встречу. Пол».

«Я согласен. С кем я могу встретиться в моем городе?»

«Вы неправильно поняли. Мы предлагаем вам встретиться за пределами России».

«Я не могу выехать за пределы страны».

«У вас нет заграничного паспорта? Оформите. Мы подождем. Пол».

«Я настаиваю на личной встрече в России. Передам интересующие вас сведения».

«У нас складывается впечатление, что вы затеяли эту игру по иным причинам, а не из желания сотрудничать».

«Вы меня неправильно поняли. Я хочу с вами встретиться. Но у меня нет денег для выезда за пределы России».

«Отсканируйте или сфотографируйте свой заграничный и общегражданский паспорта, вышлите их. Мы оплатим вам поездку. Когда вы сможете взять отпуск, выехать на отдых?»

«Я должен написать рапорт на выезд за границу. В какую страну?»

«Пишите рапорт в Финляндию. Мы ждем встречи с вами. Пол».

«Я подал рапорт на выезд в Финляндию. И написал рапорт на отпуск. Выезд разрешили. Во вложении отсканированные паспорта».

«Мы рады, что начали действовать. Мы очень ценим ваше доверие. Сообщите точную дату вашего отпуска. Мы приобретем вам авиабилеты до Санкт-Петербурга. Там по адресу... обратитесь в турагентство «Али-турс». Заберете оплаченную путевку, страховку. Отдадите свой заграничный паспорт, через три часа заберете его с визой для пребывания в Финляндии. Вам объяснят, откуда пойдет микроавтобус в Финляндию через Выборг. Вам заказан отдельный номер в гостинице Haminan Seurahuone. Там с вами свяжутся. Человек, который выйдет с вами на связь, представится Полом.

Кушаков в первый же день отпуска вылетел в Санкт-Петербург. Он знал этот город как свои пять пальцев. Особенно центр. Когда обучался в Санкт-Петербургском университете МВД, специализировался по оперативно-поисковой специальности, исходил, изъездил этот город.

Память вытаскивала из своих глубин, что вон тот двор проходной, удобно срезать углы. А вон в том магазине есть три входа, один служебный, но за ним никто не наблюдает, там нет камер видеонаблюдения. Вернее, не было. Что и как там сейчас – неизвестно.

Туристы рассматривают архитектуру, а Роман видел иной город – как и где можно спрятаться от объекта наблюдения, чтобы тот не заметил слежку. Туристов много – это хорошо. Всегда можно затесаться в ту или иную группу. А также с видом приезжего болвана можно снимать на видео, куда топают преступник или с кем встречается. Хороший город, только зимой здесь слишком сыро.

Адрес, указанный в письме ЦРУ, вот он. И агентство, как они написали. Обратился в туристическое агентство, сдал-забрал документы, прогулялся по Северной столице и выехал автобусом в Выборг.

На границе не было никаких проблем при пересечении. Стандартный вопрос у наших пограничников:

– Цель вашего визита в Финляндию?

У Кушакова в зобу дыхание сбилось. Ему хотелось одновременно заорать, что он едет выводить на чистую воду ЦРУ, а также что ему страшно и он может не вернуться на Родину! Но Роман лишь улыбнулся, может, чересчур нервно, и ответил:

– Отдохнуть. Водки попить, порыбачить!

Пограничник молча поставил штамп, тот с чавканьем опечатал оттиск в паспорте.

На финской стороне вообще никто не задавал никаких вопросов, мимоletный взгляд на фото, вклеенную визу, «чвак» штампом – и следующий. Вот так просто.

Роман первый раз был в Европе, отдых в Турции не в счет, дальше отеля не выходил. Виски, море! И куча еды.

Вернувшись в микроавтобус, усиленно крутил головой, пытаясь внимательно рассмотреть все вокруг. Несколько разочаровался. Все точно так же, как будто и не в другой стране. А чего ты хотел, чтобы было иначе? Трава красная?

Много объявлений на русском языке. Ощущение, что и не за границей вовсе, а в каком-то провинциальном курортном городе. Например, как на Алтае. Отличие, пожалуй, в чистоте улиц. Они действительно были девственно убраны, асфальт без трещин и ям, в отличие от русской стороны границы, хотя климат и здесь, и там одинаковый. Он усмехнулся, вспомнив, как чиновники в его городе каждую весну оправдывались, почему весной асфальт, уложенный осенью, сходил вместе со снегом. Как пить дать бывали чиновники в Финляндии, отчего же не поинтересовались у иностранных коллег, как им так удается.

Обидно стало за Родину, но это быстро прошло. Ему нужны детали, он снова проверил по памяти, хорошо ли запомнил своих попутчиков, кто может подтвердить его личность. Не исключено, что за ним пустили наблюдение как чекисты, так и американцы.

Да и камер на границе как грибов в осенней тайге, смотри – не хочу, потом русские контрразведчики сумеют определить, кто ехал с ним в автобусе, и опросить их. Поэтому и нужна свидетельская база.

Вот и его отель. Первый по пути. Вышел он один, остальные поехали дальше. Ну что же. Неплохо. Территория большая. Лес, воздух свежий, озеро рядом.

Дежурный администратор, молодая девушка, улыбнулась ему. Симпатичная. Хм. Русская.

Пообщались. Она из Питера, знает несколько языков, работает здесь три года. Довольна. Дала ему ключи от номера, вызвала водителя, и Кушакова на маленьком электромобиле, что катаются по полям для гольфа, отвезли на дальний край отеля. Коттедж небольшой, но уютный. Зал, совмещенный с кухней, камин, обеденный стол, стулья, окна панорамные, в пол, выходят на озеро. Все сделано из качественного дерева. Спальня, широкая двухместная кровать. Санузел, маленькая сауна на двоих, стеклянная дверь.

Роману понравилось. Даже если и ничего не выйдет из его затеи, по крайней мере, отдохнет за американский счет.

Вербовка

Не успел Роман распаковать вещи, как в дверь громко постучали. Он вздрогнул от неожиданности.

– Ну вот. Началось. Покой нам только снится, – и усмехнулся.

Пригладил волосы, открыл дверь. На пороге стояли двое. Рост одного метр семьдесят пять, возраст тридцать пять – сорок лет, блондин, светлые глаза, северный типаж, левая сторона лица менее подвижная, чем правая. Особых примет нет. Нос прямой, носогубная складка выражена слабо. Рот прямой, губы жестко сжаты, подбородок округлый. В костюме, но без галстука. Рубашка свежая, надета несколько часов назад, нет засаленности и грязи на воротнике. Руки чистые, кожа на сгибах фаланг пальцев немного скукоженная, так бывает, когда обмороживаешь руки. Туфли начищены до блеска.

Второй повыше, рост за сто восемьдесят, светлые волосы с проседью подстрижены коротко, лицо невыразительное, квадратной формы, подбородок раздвоен, брови широкие, сросшиеся на переносице. Глаза серые, глубоко посажены, смотрит как из бойницы. Тонкие губы контрастируют со всем лицом.

Первый говорил по-русски, но с акцентом. Во время учебы в Санкт-Петербурге Роман слышал акценты многих иностранцев, но тут не мог уловить, кто перед ним по национальности. Больше было похоже на эстонский, так как сильно растягивал гласные.

– Здравствуйте, Роман Анатольевич. Я – Пол. Собирайтесь, мы уезжаем.

– Далеко? – удивился Кушаков.

– Нет. Недалеко. Идемте. – И мужчина показал рукой на припаркованный рядом джип Volvo серого цвета.

Волнение, страх, возбуждение – все сразу сковало тело, во рту пересохло. Роману хотелось одновременно вцепиться в косяки дверного проема и бежать. Быстро, очень быстро! Кровь бушевала в теле. Два удара и деру к границе!

– Конечно. Проходите, – с трудом выдавил он, впуская гостей в комнату.

Мысль мелькнула в голове, что сейчас сделают укол и утащат в тайную тюрьму ЦРУ. Нельзя подать им виду, что он боится. Беглый взгляд по зеркалу, чтобы убедиться, что визитеры не готовят наручники и шприц. Нет. Вошли, осматриваются.

– У вас есть телефон, фотоаппарат? – спросил второй мужчина.

– Конечно.

– Пожалуйста, отдайте нам их. Мы потом вернем.

Роман пожал плечами, достал из кармана мобильный, а из сумки фотоаппарат. Мужчина раскрыл чемоданчик, который принес с собой, и Роман положил телефон и фотоаппарат в него. Чемоданчик захлопнулся.

Затем пошли к машине. Мужчина молча открыл багажник, там стоял металлический ящик, мотнул головой, и Кушаков бросил туда свою сумку. Взглянул на номера – финские. Запомнил. Понятно, что у ЦРУ таких номеров, как фантиков у дурака. Пол сел за руль, а второй с Кушаковым на заднее сиденье.

Роман посмотрел на часы, засек время, посмотрел на небо, приметил, где солнце. Хозяева машины не были расположены к разговору, он тоже молча смотрел в окно, пытаясь понять, куда его везут, считал повороты. Когда он придет в ФСБ, то все нюансы, мелочи будут ценны.

Пол вел машину уверенно, было видно, что дорога ему хорошо знакома. Он притормаживал, заранее перестраивался, скорость ни разу не превысил, а там, где стояло ограничение, сбрасывал скорость заранее. Образцовый водитель.

Городки, поселки менялись, Кушаков запоминал название. Черт, язык сломаешь с этими финскими названиями! От напряжения выступили капельки пота на лбу.

Вспомнилось, как его обучали: если не можешь прочитать текст, понять его, тогда просто «фотографируй». Точно так же, как и с объектами наблюдения. Можно в упор рассматривать объект, стараясь запомнить все детали, проговаривая про себя, что видишь. А можно бросить мимолетный взгляд, «сфотографировать» его, а потом уже сесть за стол и составить описание. Так обучали в Санкт-Петербурге.

Вот и Роман уже устал загонять в память названия населенных пунктов. Что удивляло – отсутствие заборов. Между домами, отелями лишь аккуратно подстриженный невысокий кустарник. Показалось, что видел воинскую часть. Большая территория, много военных. Вокруг сетчатый забор, и то метра полтора высотой. Непривычно все это было. Удивляло и забавляло. Неужели у них нет домушников? И как потом расследовать квартирные кражи – проснулся профессиональный интерес. А машина тем временем продолжала ехать. Попутчики молчали.

Впереди показалось большое живописное озеро, множество отелей на берегу. Дорога вилась вдоль озера, вот уже и большинство домиков осталось позади. Странно, обычно они понатыканы близко друг к другу.

Наконец подъехали к нужному отелю. От увиденных ранее гостиниц он отличался тем, что высокий забор закрывал внутреннюю территорию.

Ворота открылись. Охранник пропустил машину, и она, проехав мимо двух зданий, остановилась у третьего.

– Приехали, Роман Анатольевич, выходите, – обратился к Роману Пол.

– А мои вещи?

– Не волнуйтесь. Портье доставит их в номер. Проходите. Вас ждут.

– Мне бы умыться да в туалет сходить. Ну, и поесть тоже не помешает. С утра маковой росинки во рту не было.

Пол на секунду задумался, потом махнул рукой:

– Идемте, я провожу вас в туалет.

Они вошли в просторный холл. Мебель качественная, добротная. И охранник на стульчике за столом на входе... Нет дежурного администратора – улыбчивой девушки. Не отель, а комфортабельная тюрьма. И не охрана, а конвой.

Снова в голове застучала кровь. Ну, все... Клетка захлопнулась. Не выдержав нахлынувших эмоций, Кушаков с тоской в глазах обернулся. Охранник молча, спокойно, как скала, взглянул на него.

«Спокойно. Спокойно, – мысленно проговорил Роман. – Тебе ничего не угрожает. Тебя не пытаются. Все хорошо. Ты здесь из-за Родины. Доброволец. Спокойно, Рома!»

Только сейчас он осознал, во что вляпался. И не просто, а по самые уши. Страх, тоска сковали все внутренности, скрутило живот, дыхание остановилось, ноги стали холодными, ватными, колени подогнулись, в глазах все поплыло, раздвоилось. Ему внезапно стало жалко себя. До слез. Как в детстве.

Возникла заминка. Пол, сделав несколько шагов, обернулся, увидев побледневшего, пошатнувшегося Кушакова, быстро подошел к нему, взял под руку и, нараспев протягивая гласные, участливо спросил:

– Роман Анатольевич, вам плохо? Врача?

Кушаков медленно убрал его руку и ответил:

– Спасибо. Наверное, уровень сахара упал в крови, вот с голода и зашатало. Когда обед?

Пол сделал шаг назад, в упор посмотрел на него и ладонью показал в сторону двери:

– Туалет – вон там.

Туалетная комната поразила сантехникой. Роману доводилось бывать на осмотрах и обысках во многих богатых домах и квартирах, но даже те туалеты и ванны, которые он видел,

блекли, казались бесконечно отсталыми и устаревшими. Кафель на полу и стенах тоже был ультрасовременным.

Он помыл руки после туалета, пригладил волосы влажными руками. Ополоснул лицо. Открыл холодную воду, начал пить. Вода показалась вкусной, без хлорки, вкус был как из родника. Он пил ее и никак не мог напиться. Вытер лицо, руки, посмотрел в зеркало и подмигнул своему отражению:

– Не бойсь, прорвемся, опера!

Пол терпеливо стоял под дверью, показалось, что он даже не менял позы.

– Ну что, Пол, когда обед? – наигранно бодрым голосом поинтересовался Роман.

Тот двинулся по боковому коридору, махнув рукой, даже не оборачивался. Кушаков последовал за ним, автоматически подсчитывая шаги, количество дверей.

Пол открыл одну из дверей, пропустил Романа вперед, сам остался в коридоре – «курьер посылку доставил».

Большая комната, обшитая, в отличие от тех, что он видел, не деревом, а бежевым пластиком, на полу тоже не дерево, а керамогранит. Свет потолочный, много ламп. «Как в операционной, без тени!» – мелькнула мысль в голове у Кушакова. На стенах никаких украшений, окон тоже не было. У стены стоял небольшой столик, стул с высокой спинкой. Напротив – еще один стол, большой, за которым сидели двое, перед каждым открытый ноутбук.

– Здравствуйте, Роман Анатольевич!

Тот, что ближе к двери, был постарше, говорил с легким английским акцентом, но правильно. На вид около пятидесяти лет, волосы с проседью, брови густые, растут пучками, нос прямой, кончик заостренный, нижняя губа мясистая, подбородок прямоугольный. Вес примерно килограммов девяносто, а рост приблизительно метр восемьдесят. Плечи покатые, такие у бывших борцов бывают. Шея толстая, когда-то была накачанная.

Второй, что дальше от двери, был помоложе, чуть за тридцать. Сидел прямо, развернув плечи. Осанка военного или старается казаться выше и значительнее? Посадка головы высокая, горделивая. Стрижка короткая. Шатен. Европейский тип лица. «Лошадиная морда». Вытянутый череп. Высокий лоб, брови по краям светлые, к переносице темнее. Карие глаза. Прямой нос, коротковат по отношению ко всему лицу. Губы тонкие, ниточкой. Выглядит чересчур спокойным, слегка надменным. Взгляд свербящий, тяжелый.

Тот, что постарше, встал из-за стола, протянул ладонь.

– Здравствуйте, мистер Кушаков! Мы рады вас видеть. – Жест в сторону маленького столика. – Садитесь!

И улыбка как в кино, в тридцать два отличных фарфоровых зуба, даже светлее стало в комнате, показалось, что солнечные зайчики поскакали по стенам.

– С вашего позволения, я присяду, а садитесь вы сами, – усмехнулся Роман.

Собеседник легко рассмеялся, погрозил ему пальцем:

– О! Я совсем забыл, из какой вы организации. Конечно, конечно, присаживайтесь.

Кушаков сел на стул, поерзал, устраиваясь по-удобнее. Откинулся на спинку. Нормально. В меру удобно.

– Мистер Кушаков, – заговорил второй, – подвиньтесь, пожалуйста, к столу, положите руки на стол, ладонями вниз, и постарайтесь как можно меньше двигаться.

Роман все выполнил и, улыбнувшись, заметил:

– Модифицированный полиграф. У нас по старинке, проводами, датчиками облепляют. Но у вас тоже ничего так.

– Вы уже проходили проверку на полиграфе?

– Нет. Только подозреваемых проверял. Попробую на себе, что они испытывают, – продолжал хорохориться Кушаков.

На самом деле ему хотелось убежать, заорать, что пошло все к черту! Азы вербовки, которые вдалбливали в голову на учебе и службе, учили, что первым делом надо психологически расположить к себе кандидата на вербовку. «Залезть под «шкуру» – было такое расхожее выражение у оперов. Но у американцев, видать, иные учебники и инструкторы. Это уже не вербовка, а допрос с применением полиграфа.

– Вы знаете, как меня зовут, а как мне к вам обращаться? Молодой и старый? Или номер один и два? – выдавил он из себя улыбку.

– Меня зовите Джон! – широко улыбнулся старший.

Молодой слегка скривил надменное лицо:

– Уильям.

– Очень приятно, – кивнул Роман. – Начнем. Что вы хотите узнать?

– Расскажите нам, что именно вас заставило обратиться к нам. Какие сведения вы готовы нам сообщить? – задал первый вопрос Джон.

Роман уже давно проигрывал в голове этот монолог. Идет все так, как он и задумал, он просчитал этих хваленых церэшников! Их можно предсказать!

– Мне не нравится то, что происходит в стране. Продажность системы. Мы сбиваемся с ног, ловим, рискуя жизнью, а продажные адвокаты, прокуроры, судьи выпускают их. Или же они, отсидев год, выходят на свободу и снова совершают преступления. И мы снова ловим. Устал. – И он отрепетированным жестом прикрыл глаза.

– Мистер Кушаков, не поднимайте руки, не двигайтесь, – тут же сухо отреагировал Уильям. – Просто говорите, больше ничего не нужно. – Посмотрел в экран монитора ноутбука и добавил: – Продолжайте, пожалуйста.

– А потом я понял, что нужно что-то делать. Вот и предложил свою помощь вам. Сведения? Все секретные документы, к которым я имею доступ. – Все. Заготовленная речь закончилась.

Уильям внимательно смотрел в монитор, изредка бросая быстрые взгляды на Кушакова. Джон же неотрывно наблюдал за ним. Он и задал вопрос:

– Вы хотите нам предоставить совершенно секретные приказы по организации работы в МВД России?

– Ну, да, – кивнул Роман.

– Знаете, вы проделали совершенно ненужный путь. – И Джон зачитал весь список регламентирующих приказов МВД, секретных и совсекретных. Многие Роману были знакомы, а большинство он даже и не слышал. «Ничего себе осведомленность!» – пронеслось у него в голове. – Вы это нам хотели предложить?

– Да.

– Мы попусту теряем время. Вы агент ФСБ? Отвечайте честно.

– Нет.

Уильям кивнул, Джон мельком взглянул в монитор:

– Вы самостоятельно вышли на нас или под контролем ФСБ?

– Я вышел самостоятельно.

– Вы хотели потом обратиться в ФСБ?

– Нет, – твердо ответил Роман, но в горле пересохло – он с ужасом осознал, что попался. Холодный пот прошиб от затылка до копчика.

– Давайте так, Роман Анатольевич, – устало продолжил Джон. – Вы рассказываете нам правду. У нас есть ваши письма как в МИ-6, так и в ЦРУ, переписка, перечисление денег и оплата вашей путевки и прочее. Документы поступят анонимно на Лубянку. Вы нам бесполезны. Или мы честно общаемся, или вас доставят на полицейской машине к границе и выдворят с территории Финляндии.

На Кушакова накатила тоска, отчаяние, он понял, что окончательно запутался и эти два разведчика могут и сделают, что обещают. Выдадут ФСБ. И все! Все! Конец всему! Конец всей жизни!

Разведчики молча смотрели на Кушакова, не проявляя никаких эмоций. Ждали. Понимали, что он сам себя загнал в угол. У него три выхода: работать на иностранные разведки, быть выданным ФСБ, самоубийство.

Кушаков быстро просчитывал возможные варианты, чтобы выйти с наименьшими потерями, и спросил:

– Наша встреча записывается?

– Конечно. – Уильям был спокоен.

Роман сделал глубокий вдох, как перед прыжком в воду:

– Что вы хотите знать?

– Все, мистер Кушаков. Все. – Джон снова был сама любезность. – Начните с правды. Например, зачем вы написали письма?

И Кушаков начал рассказывать. С самого начала. Поначалу было сложно. Он несколько раз пытался обелить себя, что-то утаить, но строгий Уильям предупреждающе поднимал указательный палец, не отрывая взгляд от монитора, и Роман понял, что он как на ладони, и уже не пытался врать. Говорил как есть, долго, с деталями, мелкими подробностями. Он никому не говорил, как ему было обидно, что его пнули как щенка от дверей контрразведки. Как он придумал способ передать письмо в МИ-6. После этого эпизода Джон выразительно и чуть надменно посмотрел на Уильяма. Тот молча пожал плечами.

Когда Роман закончил говорить, Джон попросил его рассказать о тех чекистах, с которыми ему пришлось контактировать, и он подробно рассказал, с описанием словесного портрета, сильных, слабых сторон каждого.

– Скажите, судя по геоданным вашего телефона, вы часто посещали закрытые города атомной промышленности, что поблизости от столицы вашего региона. Коммунисты называли их «почтовыми ящиками номер двадцать шесть и сорок пять». Они относятся к атомной и оборонной промышленности. Расскажите об этом подробно.

И майор Кушаков начал рассказывать. Все, что помнил. Он осознал, что уже полностью, с потрохами, принадлежит ЦРУ. Было много вопросов, особенно что касалось знакомства с инженерно-техническим персоналом.

– Как вы пересекаете КПП? Просто по служебному удостоверению не пропускают.

– Когда я служил в службе наружного наблюдения, то был выписан постоянный пропуск. Я его не сдал.

– Получается, что вы имеете беспрепятственный доступ в закрытые города?

– Да.

– Мистер Кушаков Роман Анатольевич, вы осознаете, что только что выдали секретную информацию представителям разведывательных сообществ Центрального разведывательного управления США и МИ-6 Англии? Осознаете, что совершили преступление, по законам России?

Роман был уже опустошен, измотан, хоть ствол в висок упирай и нажимай на спусковой крючок.

– Осознаю, – устало мотнул он головой.

– Вы выражаете четкое, ясное, добровольное согласие оказывать помощь разведывательным сообществам Америки и Англии?

– Да.

– Не так. Повторите дословно.

Кушаков откинулся на спинку стула, поднял подбородок и, как на плацу, четко отчеканил:

– Я, майор милиции Кушаков Роман Анатольевич, выражаю добровольное согласие оказывать содействие разведкам США и Англии.

– Отлично, мистер Кушаков! Вы проголодались?

Роман подумал, что готов сейчас съесть слона. И выпить!

– Да уберите же руки с этого чертова стола! – с довольным видом поднялся Джон. – Пойдемте же есть! И выпьем! Вы же не против выпить и плотно поужинать, а, мистер Кушаков?

Вот так, самое страшное осталось позади. Он сделал выбор. Отчего-то ему стало легче. Сомнения, метания закончились. В груди тяжелый комок рассосался.

Роман тоже поднялся, и они втроем покинули допросную комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.